

ОБРАЗ КНЯЗЯ КЫЯ В ПОВЕСТИ Б. АКУНИНА «ОГНЕННЫЙ ПЕРСТ»

История сложна, многогранна, противоречива и не приветствует вольностей. Однако многие считают своим долгом интерпретировать ее по-своему, забывая при этом, что «не история принадлежит нам, а мы принадлежим истории» (Х. Гадамер). Действительно, очень трудно (может, и невозможно!) с максимальной объективностью описать исторические явления, факты и события, ведь объективность – вещь относительная и хронологически маркированная. Б. Акунин представил зарождение и развитие государственности на Руси объемно – в историческом и художественном исполнении одновременно. Такой изоморфизм повествования позволил автору «Истории Российского государства» и «Огненного перста» «начертить» различные грани истории России. Однако Б. Акунин уже в самом начале описания истоков «страны русославян» обращает внимание на специфику своего произведения: *Я пишу для людей, плохо знающих российскую историю и желающих в ней разобраться. <...> Я не выстраиваю никакой концепции. <...> Это история не страны, а именно государства* [2, с. 1]. Художественное сопровождение многотомной «Истории» опирается на мифопоэтическую традицию повествования и опыт создания социозитологических легенд, которые являются одной «из древнейших форм сохранения памяти о прошлом социума» [4, с. 2]. И это не случайно, поскольку, по мнению А.С. Щавелева, «во многих случаях без учета мифопоэтической традиции вообще невозможна реконструкция ранней истории обществ, картины мира древних коллективов, типичных социальных явлений и ситуаций» [4, с. 4]. Повествуя о раннем периоде становления государства славян, времени возникновения волевого импульса, «который привел в движение российскую историю» [2, с. 2], Б. Акунин детально описывает князя Кыя – вождя днепровских полян.

Проблема соотношения легендарного и исторического в образе Кыя долгое время была предметом особого интереса историков, этнографов, литературоведов и т.д. Исследователи тщательно изучали вопрос об историчности фигуры князя в целом и отдельных сказаний о нем (перевозчик или охотник-зверолов, князь, основатель города), о его сакрально-мифологическом статусе, духовных и телесных характеристиках и т.д. (см.: В. Я. Петрухин, Д. С. Раевский «Очерки истории народов России в древности и раннем Средневековье. Русь и народы Восточной Европы в IX–X вв.», Е.А. Мельникова, В.Я. Петрухин «Формирование сети раннегородских центров и становление государства (Древняя Русь и Скандинавия)» и т.д.). Б. Акунин не просто детально описывает различные грани образа князя, он «позволяет» рассказать о достоинствах Кыя именно лазутчику Дамианосу. Такое восприятие князя человеком «чужим», «со стороны» создает вокруг повествования ореол максимальной объективности.

До встречи с князем Дамианос пренебрежительно именуется Кыя «славянским царьком». Однако тональность повествования меняется во время посещения лазутчиком Киева и встречи с киевлянами. С этого момента для Дамианоса основным принципом «познания» славян становится «противопоставление на основе сопоставления» [3]: *И сам город оказался гораздо больше, чем ожидал аминтес. У Воислава в его Градце была сотня домов – даже не домов, а вырытых в глине полуземлянок <...>. Столицу северичей окружал вал с частоколом да ров. Киев же был защищен высокими дубовыми стенами. Дома, насколько можно было судить издали, были настоящие, даже с окнами. Крыши тесаные, а самая высокая из них покрашена в алый цвет – для северных краев, куда краску привозят из Византии, неслыханная роскошь* [1, с. 86]; *<...> Поразило Дамианоса не столько небывалое для лесного народа многолюдство, сколько поведение людей. Они стояли на берегу и на причал не входили – даже торговцы с мешками и лотками. Никто не лез к кораблям, не*

давился, не толкался, мальчишки не кланчили подачек. Киевляне просто смотрели на все прибывающие суда и переговаривались между собой. <...> Веселые. Сытые. Ведут себя свободно. Но при этом слушаются князя, даже когда его рядом нет [1, с. 87].

Этот вывод, сделанный Дамианосом, стал первым, но очень важным штрихом к княжескому портрету, который лазутчик «начал писать» самостоятельно, уже на основе собственных умозаключений. Одной из «доминант» образа Кья, повлиявших на них, стала речь князя. Умение строить короткие, но четкие фразы, говорить сложными предложениями позволило лазутчику увидеть в князе не варвара, не дикаря, а мудрого правителя: *Когда он начинал говорить, во всей широкой зале становилось тихо* [1, с. 106]; *Он [Дамианос – прим. А. Ч.] никогда еще не слышал, чтобы варвары рассуждали столь складно и разумно. <...> Так может говорить только великий муж, не вождь дикарей, а будущий правитель государства* [1, с. 116–117]. Во время публичного выступления сила и княжеская мощь «вырывались наружу» и заставляли слушающих подчиняться. А иначе и быть не могло, ведь так мог говорить только человек, привыкший к тому, что его внимательно слушают и ни одного слова не упустят [1, с. 90].

Однако только ораторское мастерство не могло сформировать тот фундамент, на котором стоял Кый как основатель Киева. Дамианос и Гелия, характеризуя князя, активно употребляют прилагательное *хитрый*: *Гелия твердила: умен и хитер. По виду кабан или медведь, а на самом деле лис* [1, с. 113]. Однако хитрость Кья иного ранга. Это хитрость, граничащая с мудростью и жадной познания: *Хитрый человек ведет какую-то игру, пытается залезть собеседнику в душу, а Кый, похоже, всего лишь удовлетворял бездонное любопытство касательно византийской жизни. Его интересовало все: корабли и дома, еда и питье, обычаи и вера, конская сбруя, устройство повозок, плоды и овощи, грамотная премудрость и цифирь, цесарский двор и патриархия* [1, с. 113–114].

Желание все понять, тщательно изучить и извлечь из этого выгоду (как духовного, так и материального плана!) удивляет и настораживает Дамианоса: – *Пока все корабли не обойдет, каждого купца про товар не распросит и что ему нужно в пошину не заберет, на берег не сойдем... Это долго* [1, с. 88].

«Маркеры личности» князя очень быстро меняют свою окраску: в начале знакомства с Кием Дамианос называет его «варвар, но не дикарь», затем – «полянский князь, наконец – «великий муж», «не варвар, а истинно мудрый правитель». Детальное изучение местности вокруг Киева позволяет Дамианосу увидеть в князе дальновидного и мудрого человека. Не случайно сочетание «славянский царек», имеющее пейоративную окраску, заменяется другим – «умный правитель» *Почти вплотную к городу подступал вековой сосновый бор. Зато противоположный берег Данапра, сколько хватало глаз, был почти безлесен, только кое-где темнели небольшие рощи. Отсюда, с границы великого Леса и великой Степи, умный правитель может распространять свою власть и на восток, и на запад. Речная торговля даст средства, а люди придут сами –они всегда тянутся туда, где достаток и покой* [1, с. 88].

Однако характеристика Кья Дамианосом была бы неполной без описания внешности князя и его физических качеств. Лазутчик сравнивает Кья с богатырем в традиционной княжеской одежде: *Песок скрипел и охал под его чугунными шагами* [1, с. 129]; *Но у варварских племен вождь всегда богатырь, иначе не удержаться у власти. Жрец может быть слабым или калекой, но не князь, которому водить в бой дружину. <...> Владелец речного города был невысок, кряжист, с черной бородицей до середины груди. Из-за этого фигура казалась квадратной. <...> Шапка алого сукна у Кья была с собольей оторочкой, хотя день выдался жаркий –уже начиналось лето. На широком плаще-корзне сияла золотая пряжка. В торжественных случаях Воислав наряжался точно так же. Чтоб издали было видно: князь* [1, с. 89]. Дамианос особое внимание обращает на очертания княжеской фигуры,

напоминающей квадрат. Такая геометрическая параллель совсем не случайна. Как известно, квадрат, во-первых, олицетворяет мужское начало, а во-вторых, символизирует такие базовые понятия, как порядок, истина, справедливость, мудрость, честь.

Как отмечают исследователи, занимающиеся реконструкцией общего архетипического образа правителя, одно из важнейших достоинств князя – это умение защитить себя и свой народ. Кый полностью соответствует этому требованию. Да, у него есть телохранители, но они, как правило, лишь создают фон, формирующий у окружающих представление о силе княжеской власти: *Славянские князья держат телохранителей не для защиты, а для почета. Считается, что настоящий витязь сумеет оборонить себя сам* [1, с. 89]. Это и демонстрирует Кый во время охоты на медведя: *Обычные охотники бьют могучего зверя стрелами, чтобы сначала ослабить, а потом закалывают в несколько копий. Но князь, если только он хочет, чтоб дружина его чтילה, должен брать медведя в одиночку. Это требует большой силы и ловкости* [1, с. 99]; *Кый показал себя охотником опытным и хладнокровным. Быстро побежал вперед, в пяти шагах остановился, подпер древко ногой и ловко принял на острие взбешенного великана* [1, с. 101].

И последний штрих Дамианоса к княжескому портрету – это описание двора, архитектурный ансамбль которого стал своеобразным отражением физической силы и характера самого князя: *Княжский двор находился в самой середине огороженного частоколом холма и тоже представлял собой маленькую крепость. <...> Узкий мост упирался в массивные ворота, правда, раскрытые нараспашку, но с нависающей сверху железной решеткой, которую, очевидно, можно было захлопнуть одним поворотом рычага. Осторожен Кый. <...> Двор был просторный, шириной шагов в сто. Сюда выходили окна и двери многочисленных построек, как жилых, так и хозяйственных: трехэтажный княжеский терем с высокой красной крышей и шатровым крыльцом, другой дом, поменьше (судя по прикрытым ставням – женский), две казармы-гридницы, длинная конюшня, псарня, амбары, закрома, птичник. Богато жил полянский князь. Прав пиропилакс: правитель, который построил себе такую резиденцию, глядит далеко, а метит высоко* [1, с. 96].

Таким образом, Б. Акунин в повести «Огненный перст» «обыгрывает» предание о Кые как основателе столицы древних славян. Автор характеризует различные «доминанты» образа князя и «позволяет» детально их описать именно лазутчику Дамианосу, что создает вокруг повествования ореол максимальной объективности.

Литература

1. Акунин, Б. Огненный перст / Б. Акунин. – М.: АСТ, 2014.
2. Акунин, Б. Часть Европы. История Российского государства. От истоков до монгольского нашествия / Б. Акунин. – М.: АСТ, 2014.
3. Смирнов, П.А. Эволюция образа Владимира Святославича (на материале летописных сводов) / П.А. Смирнов. – Москва: МПГУ, 2007. – [Электронный ресурс]. – www.dissercat.com. – Дата доступа 25.01.2015.
4. Щавелев, А.С. Славянские легенды о первых князьях. Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян / А.С. Щавелев. – М.: Северный паломник, 2007.